

ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ ЛИФТ

Осень и в этом году наступила рано. Имело смысл встречаться днем – чтобы пройтись по светлому городу Петербургу, а не бродить впотьмах в поисках кафешки, в которую можно было приткнуться. Павел набрал номер.

– Мы отоспимся сейчас, и потом я тебе позво-
ню, – ответил женский голос шепотом и так быстро, словно выпалил скороговорку.

– Ну, привет, во-первых, – опешил он. – Кто это – мы?

– Я с ребенком же приехала, забыл?

– Да нет, не забыл, – Павел почесал голову. – Но я думал, тебе есть где... с кем оставить. Ты же у кого-то там остановилась.

– Ну да, у подруги.

– Так ты выходи, за ребенком присмотрят, – по правде, Павел не очень любил детей и совсем не знал, что делать в их обществе. Хотя и не испытывал к ним неприязни: дети ему были безразличны.

– Ты сам как ребенок, – сказал женский голос, как показалось Павлу, раздраженно. – Ну что ты, не понимаешь? Мы всегда вместе.

«Ты не говорила, что мы будем встречаться с ребенком», – хотел было ответить мужчина, но решил не начинать: и вправду, звучало бы как-то по-детски. Но что сделаешь, он этой встречи ждал – с тех пор как она написала, что приедет в его город из своего прекрасного далека, где обитала в последние несколько лет, он, можно сказать, считал дни. Придумал программу: прогулка, ужин, вечерние гулянья по центру вдоль Фонтанки с шампанским, веселые истории о былом...

– Ладно, Лия, – хмыкнул он. – Отсыпайтесь. Ты в каком районе хоть остановилась?

Услышав ответ, он присвистнул: как далеко от центра! Где-то между «Московской» и «Купчино», хуже и не придумаешь! Пока они там отоспят, пока будут ехать...

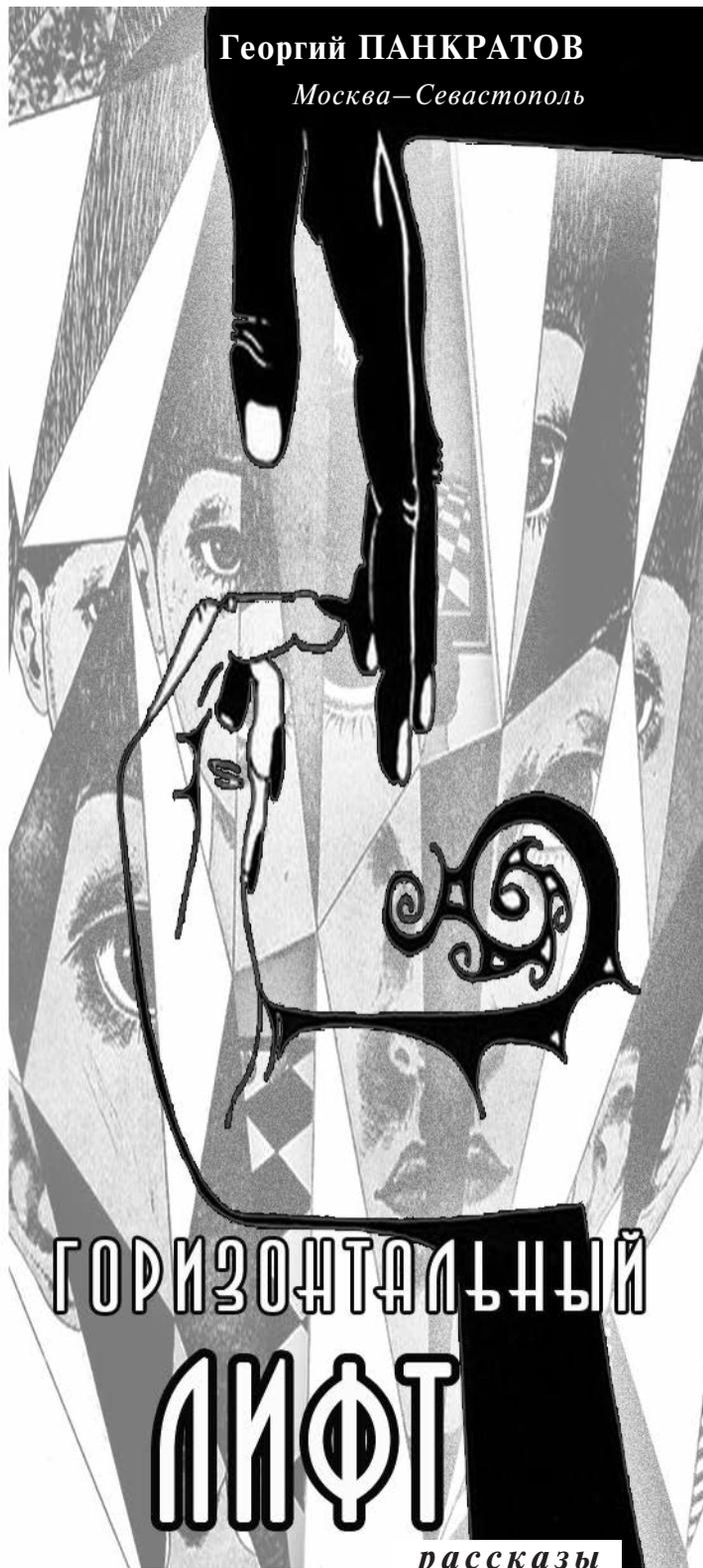
– Может, ты сюда приедешь? – прозвучал голос в трубке.

– У тебя будет так мало времени? – спросил Павел.

– А что, – усмехнулась она. – Ты думал, я на ночь останусь?

Георгий ПАНКРАТОВ

Москва–Севастополь

Павел почувствовал себя глупо, словно его устыдили. И вправду, чего это он? Приличная замужняя женщина приехала в город, где давно не виделась — наверняка — не только с ним. С ребенком — опять же — приехала... Да ведь и сам он уже несколько лет был, как говорят, не свободен — в браке, хотя и без детей.

Но он подумывал: «Чего скрывать?» Не то чтобы надеялся, не то чтобы ждал, не то чтобы хотел во что бы то ни стало. Однако — не исключал. Был бы не против. Был бы только за. И даже присмотрел пару гостиниц. «Своя» была в командировке — объяснять ничего не пришлось. Повезло, считай. И тут Лия... Внезапно ему стало смешно — от своей же глупости, от нелепости всей этой дикой, но банальной ситуации.

— Что, убиваешь интригу? — расхохотался он.

Но Лия не поняла шутки.

— У нас там парк небольшой, у метро.

— Что-то не помню на «Московской» парков...

— Да нет, мы к «Парку Победы» подъедем.

Ну вот, она теперь — это «мы».

— Вот там и встретимся. А потом я поеду, — она назвала еще одно кошмарное место в городе: то ли «Ломоносовскую», то ли «Елизаровскую», — к подруге. У нее и останусь.

— Звони, — сказал Павел и положил трубку в карман.

Он отправился на кухню, достал из холодильника рагу, приготовленное женой перед отъездом, и положил пару ложек в тарелку. Поставил в микроволновку.

Открыл ноутбук, зашел в папку «Фото». Вот она, Лия — восемь лет назад. Совсем молодая девочка... Ну как — это теперь казалось, что молодая. А на снимках им по двадцать пять — ровесники, даже дни рождения рядом: у нее с небольшим отставанием, как и положено женщине, — в несколько дней. Все-таки чуть моложе.

На фото они у разведенных питерских мостов, белые ночи — улыбаются, Павел обнимает Лию, целует ее в щеку. Вот она с цветами в его квартире, вот они снова в центре, но уже с друзьями — как их зовут всех, вспомнить бы, — что-то пьют, а вот они снова дома, Лия в короткой юбочке... Были фото и откровеннее, но удалил их все. Потому жалел часто. А часто — не жалел.

Со временем он забыл ее. Как забывается все и забываются все на свете. А в те дни казалось, что забыть ее нельзя. Что забыть ее невозможно. Лия не была с ним счастлива. Она своей маме однажды сказала такое, что было так больно узнать...

— Ну как там у вас с Пашей? — спросила мама.

— Да чего говорить-то? Он так, запасной вариант.

А мама взяла и рассказала Паше. Думала, сам уйдет — обидится и уйдет. Мама хотела для дочери лучшей судьбы. Да и сама дочь хотела. Кто был такой Паша? Перебивался случайными заработками, постоянно крутился «со своими пацанами», серьезными вещами не интересовался. Пил, на футбол ходил. Ночью шатался по улицам.

— Я люблю тебя, Лия, — говорил он. — Я сделаю все, чтоб с тобой быть, ты только скажи... А то я ж не понимаю, что тебе не так.

— Ну так соответствуй, — загадочно говорила Лия, облаченная в тонкое леопардовое пальто. Так завершилась одна из последних встреч. «Восемь лет, — думал Павел, доедая своё рагу. — Восемь лет».

Потом он закрыл ноутбук. И даже занялся мелкими делами: что-то нужно было подкрасить, что-то подкрутить, что-то прибить. Но воспоминания не уходили, наоборот — наступали с новыми силами. Словно это они подкрепились.

— ...Ты что, ждешь, что я признаюсь в любви? — смеялась Лия. — Я не люблю тебя. Зачем говорить то, чего нет?

Был день его рождения — единственный, который они праздновали вместе. Павел стоял на крыльце ночью и долго — одну за другой — курил. Было ясно, что все это кончится. Но он был готов прожить до конца. Ему без нее было плохо, одиноко, муторно — в те годы он думал, что это и есть любовь. Он писал ей эсэмэски о том, как она прекрасна, как звезды и небо любят ее и желают ей доброго утра и хорошего, полного чудесных впечатлений дня. А время шло — и шло быстрее, чем он думал.

За восемь прошедших лет жизнь Павла наладилась. Она не стала слишком уж хорошей — скорее, обычной, как у многих. В ней были заботы, проблемы, и даже тоска была. Но все-таки она стала лучше. У многих пацанов, с

кем гулял ночи напролет Павел, жизнь лучше не стала. Так что, считай, повезло. Он добавил ее ВКонтакте, стали переписываться: «Как дела?» — «Нормально».

Несколько лет назад у Лии родился ребенок — эта новость промелькнула где-то между спортом и политикой и не вызвала в нем эмоций: ну родился и родился, хорошо.

А тогда...

— ...Вот зачем ты мне все это пишешь? — говорила ему Лия. — Все эти слова — что люблю, не могу, ты такая красивая, классная... Ну и чего? Ну, красивая, классная. Дальше что? Это ж одни слова. Постоянные слова!

— В начале было слово, — пошутил Павел. Он и не знал, что эта невинная фраза и станет последней каплей.

— Все, — Лия выпустила его руку и резко рванула вперед. Под ногами тревожно металась осенняя листва, покорные ветру, словно своей судьбе. Осень тогда наступила рано — как и теперь.

— Я не хочу отношений, — кричала Лия и бежала, бежала куда-то вперед. — Мне надоело. Ищи себе ту, для которой... в начале слово.

Он пустился за ней, хотел остановить. Не понимал, как можно бежать в тот момент, когда рушатся отношения, как можно торопиться... ведь он же такой важный — этот момент.

— Ну, остановись ты! — воскликнул Павел в сердцах. — Подумай, что делаешь.

— Я? Уезжаю, — насмешливо выдохнула Лия. — Уезжаю в Москву.

— Да? — Павел опешил. — И что ты там делать будешь?

На этот вопрос он получил ответ все в той же ленте новостей, когда там стали появляться первые фото со свадьбы и полные трепетных смайликов поздравления ее подруг. Лия выбрала мужа смуглого, кареглазого, черноволового, крепкого — похожего на цыгана. Да еще и айтишника, как он узнал позже.

— Не, ну ты представляешь — айтишника, — кричал Павел в пьяном угаре своему беспросветно далекому от этой трагедии другу. — Ай-ти-шни-ка!

— Ну и чего? — икал друг.

— Как чего? Тут даже объяснять ничего не надо! Тебе недостаточно, что он айтишник?

Павел выглянул в окно — скоро совсем стемнеет. «Зачем решил встретиться?» — думал он. Лия причинила ему много боли, но все это было давно, так давно, словно и вовсе не было. А на фото он видел красивую женщину — молодую, стильную, ставшую только лучше за эти прошедшие годы. Переспать с ней теперь, если такое представить, значило только одно: свести наконец счеты. Не с ней — с тем собой, который убивался от отчаяния, от невозможности вернуть ее, что-то изменить. Было заманчиво сделать это теперь, когда оно было совсем не нужно, совсем не обязательно, но... в принципе, неплохо. «Просто сделай это, — думал он. — Заверши ту историю, что когда-то начал. Поставь наконец точку». Почему-то ему казалось, что и сама Лия будет не против: вырвется из будней, как об этом часто говорят.

Но теперь, связавшись с ней утром, он понял: никакой точки не будет. Будет встреча — возможно, приятная, возможно, какая еще — но короткая. Встретиться и разбежаться, чтобы... чтобы что? Наверное, уже никогда не увидится.

— ...Я буду любить тебя вечно!.. — кричал он ей в трубку. — Буду! Буду!

— Бля буду, не забуду! — смеялась Лиечка из далекой Москвы.

«Может быть, это и есть настоящая точка? — размышлял он уже в метро по дороге к ней. — Такая, как надо».

В московском Парке Победы было уже так темно, когда они встретились, что даже на телефон оказалось нечего снимать. «У нас в Москве утки толще». — «У нас в Питере все по-прежнему». На траве, возле аллеи брэнчал на гитаре уличный музыкант — унылый шансон, решил Павел:

*— Ты виновата сама,
Что не поверила в это.
В городе Бийске зима,
В городе Питере лето.*

Песня ему не понравилась — в городе Бийске бывать не доводилось, а петь про лето в Питере было поздновато: хотелось разве что вздохнуть, в очередной раз вспомнив, как быстро оно прошло. Павел прошел мимо музыканта.

Лия была маленькой и стройной, но уставшей — по глазам было видно: регулярно недосыпает. В какой-то момент между ними повисла неловкость.

— Ну, как дела-то? — спросил Павел, лишь бы что-то спросить.

— Да вот все мои дела, — она показала на ребенка. — Вот и все.

Для интереса он даже взял ручки коляски и покатил ее — под пристальным наблюдением Лии.

— Да... любопытные ощущения, — только и нашел что сказать он.

Павел и не заметил, как они оказались на детской площадке. Лия оставила коляску и пошла с малышом на горку. А устав от горки — к деревянному грузовику. Ребенок сидел довольный, изображая водителя, а Лия крутилась вокруг него, лепетала что-то. Павел стоял рядом, смущенный, и не знал, чем занять себя, что сказать. В какой-то момент ему захотелось уйти.

— Ну, чего ты? — спросила Лия. — Расскажи что-нибудь. А то всё молчишь.

— Так и ты всё... вроде, с ребенком. Чего я встравать буду...

Внезапно он понял, зачем так хотел этой встречи. Нет, переспать, «завершить» — это только напускное, он и сам понимал теперь, как глупа была такая идея. Павел пришел на встречу, чтобы что-то почувствовать, что-то прожить — хоть какую-то высесть эмоцию из тех двух холодных камней, которыми они вдруг оба представились в его воображении. Но ничего не высекалось, не рождалось. Даже не вспоминалось ничего.

Другие люди будут жить, страдать и побеждать, проигрывать и подниматься, влюбляться и добиваться, встречаться и вспоминать, в конце концов. Другие люди будут создавать мир или менять его — это пока не важно. «А наша задача теперь одна — выпустить их в этот мир. Мы своё прожили и своё пережили». Внезапно Павел ощутил неловкость от того, что у него нет ребенка. Вот у нее, у Лии, все правильно, все так, как надо — по биологическим часам, нормальной человеческой программе. А у тебя? Женат? Ну хотя бы. А ребенок? Ребенок-то где?

В свои тридцать три он впервые понял: наступила осень. Но как же она рано наступила! Или осень всегда наступает рано?

Ребенок Лии смущал Павла — он был похож на отца-цыгана как две капли воды; должно быть, отец гордился. От девушки, в которую тот, молодой совсем Паша, был так бесконечно влюблен, в малыше не было ничего. Он орал, бесился и ломал все, что ему попадало в руки. Лия крутилась вокруг него и причитала:

— Попей этого сока... Поешь кашки... Возьми kota, ну посмотри, какой кот!

— Так и живем, — говорила она Павлу, и он, не зная, что отвечать, кивал.

Только однажды сказал, про ребенка:

— У него какая-то страсть все крушить, ломать.

Ребенок крутил в руках резинового kota и, кажется, пытался свернуть ему шею.

Лие кто-то позвонил, и она долго кивала, слушая голос в трубке, и ничего не говорила в ответ. Ребенок подошел к маленькому мусорному баку возле кафе, чуть приподнял и отшвырнул от себя. Мусор и окурки покатались по асфальту.

— «Зенит» — чемпион! — крикнул Павел, изображая веселье. А сам подумал: «Ну вот. Это и есть точка».

— Поможешь довести коляску? — спросила Лия.

И добавила:

— А то как самой?

— На «Ломоносовскую»? Или «Елизаровскую»?

— Да там от любой доеду.

— Может, такси? — предложил Павел.

Но Лия сказала:

— Нет.

Это слово она говорить умела — все так же твердо, как и восемь лет назад.

Они стояли на станции возле раздвижных дверей. «Горизонтальный лифт», вспомнил Павел и тут же сказал об этом Лии — лишь бы только не молчать.

— Такие станции есть только у нас, в Питере, — со знанием дела добавил он.

— Ага, — Лия кивнула. — Бери вот здесь, сейчас заезжать будем.

Павел вспомнил — но на одно лишь мгновение — точно такие же двери, но только другой станции. То ли «Маяковской», то ли «Александра

ПУШКА

Невского». Лия уже не была «его девушкой» и перевезла половину вещей в Москву, но они за чем-то встретились еще раз. Хотя понятно зачем: он хотел вернуть ее, хотел «добиться». Но для Лии все было решено. Они возвращались с концерта Налича — черт его дернул идти на Налича, скучно же, и пацаны бы не поняли. Но Лия любила Налича, а он любил Лию — вот и пошли. Он потянулся поцеловать ее, слыша звук приближавшегося поезда. Ему — на другую ветку.

— Ты все еще надеешься, что что-то будет? — засмеялась Лия, погладив его рукой по щеке. — Смешной ты.

И двери «горизонтального лифта» распахнулись, забирая ее навсегда.

*По морям да по волнам
Ай, лодочка несется.
А моряк на корабле
Ай, весело смеется,*

— пел Петр Налич, и Павел раскачивался в такт музыке и шептал слова красивой песни. Лия улыбалась. Когда он был в последний раз на концерте? Хоть на каком-нибудь...

— А ты?

— Ой, не спрашивай, — отмахнулась Лия. — У нас дома знаешь какие концерты... По заявкам и без.

Он помог занести ей коляску в трамвай, ну а дальше — «Подруга встретит», — сказала Лия.

— Так что можешь идти, — улыбнулась она. — Я была рада тебя увидеть.

Павлу вдруг захотелось, чтобы она спросила — хоть он и понимал: не спросит — а есть ли те чувства, ведь обещал любить всю свою жизнь, до смерти, помнишь? Что бы он сказал? Павел смотрел ей в глаза и подбирал ответ на этот вопрос, который никогда не прозвучит. А трамвай подъезжал к остановке.

«Разве это имеет значение? — пожалуй, произнес бы Павел. — Какая разница?»

Он улыбнулся и тихо сказал:

— Я тоже.

Мне стало плохо на пляже. Вчера перепил, отравился, весь день провел вместо моря в кровати да туалете. Сегодня стало лучше, решили, чтоб не терять день отпуска, выбраться за город — давно планировали изучить новое место на карте Крыма. Ехали сорок минут, тряслись в автобусе, ну и вот.

Сначала все было нормально — песчаный пляж, теплое море, красивые скалы вдаль, малинка, миндаль. Думал, что все успокоится. Но в середине дня стало дурно.

— Тридцать лет уже, — говорил я спутнице, будто пытаюсь оправдать свое безрадостное состояние. — Раньше мог пить и пить.

— Пойдем, — сказала она.

Уехать было не так просто. Автобус ходил четыре раза в день, предстояло дожидаться последнего. Мутило, тошнило, я несколько раз бегал в кусты, пока мы наконец не вышли на главную сельскую улицу, в конце которой и находилось автобусное кольцо. Увитые виноградом подъезды, тяжелые подсолнухи, пахучие крымские розы, спелая слива — ничто не радовало и не вызывало интереса. Хотелось одного: дойти домой. В голове гудело, со лба стекал пот, еле передвигались ноги.

«Капитал, — парам-парам-парам-пам», — ударило по голове чье-то громкое пение.

«Вот еще не хватало мне слушать, блин, пьяный хор», — ворчал я мысленно.

Мы приближались к остановке, и пение становилось громче, боль в голове — сильнее. «Да заткнитесь вы на хрен», — зло думал я.

«Все на колени, оркестр туш, ях-ху!» — раздалось впереди. Пение сменили смех и громкие разговоры, но ненадолго: кто-то вновь ударил по струнам гитары.

Теперь мы могли разглядеть их: под козырьком массивной, советской еще остановки тусовалась молодежь — парни и девушки от четырнадцати до девятнадцати. Гитарист играл стоя, раскачиваясь в такт музыке на импровизированной сцене-скамейке. Парочки обнимались — играла лирическая песня, что-то там о любви. Сразу несколько ребят были в одинаковых футболках с какой-то символикой: лагерь, наверное, или турбаза, решил я.

«И чем они меня так раздражают? Поют и поют».

Впрочем, разглядывал компанию только я. Моя спутница была безразлична. О чем она думала? «Жаль, что ушли с моря...»? «Что делать вечером...»? «Сесть бы в автобусе...»? «Хочется мороженого...»?

Похоже, последнее.

— Не пойду, — сказал я, с отвращением глядя на магазин. — А если автобус придет?

Она не стала спорить.

К остановке подходили люди, стояли молча, смотрели на дом напротив. Из окна, улыбаясь, наблюдал за нами бородатый алкоголик. До компании никому не было дела.

«А ведь они и не пьют, и не курят, — продолжал думать я. — В моё время было иначе. Портвешок, дым, маг... И репертуарчик другой был: «КиШ», «Гражданская оборона»... Хотя мы ведь тоже не злые были».

Автобус всё не ехал. «Моё время...» Я застрял на этой мысли. Выходит, это время, нынешнее — оно уже не моё? Может, этим-то они и бесят? Нет, вроде просто голова болит...

«Молодые люди, вы не могли бы не петь?» — представил я нелепейшую из нелепых ситуацию и даже содрогнулся.

— Ну так че? — сказал я, чтобы что-то сказать, и даже не понял, зачем сказал. — Нормально же съездили, да? Жаль только, что так...

Похоже, в дело вступил рэпер: молодой человек в кепке козырьком назад встал рядом с гитаристом и что-то зачитывал, какую-то совсем лирическую, розовую чушь с простыми рифмами. Читал он не то чтоб уж плохо, но незатейливо. Правда, искренне.

Я усмехнулся. Было неловко слушать все эти «люблю-не могу», «только ты во всем мире одна», «мне не надо другой навеки»... Мы просто ждали автобус. Стояли и ждали автобус. Меня продолжало тошнить.

— Пушка, мы тебя любим! — раздался чей-то восторженный голос, и все подхватили, закричали, хлопнули.

Я обернулся: парни по очереди обнимали девушку в легком платье с длинными волосами. Лет шестнадцать на вид, может, только сегодня исполнилось? Наверное, отмечают день ее рождения, решил я.

И вдруг испугался: а что, если вся компа — а их человек пятнадцать ведь — сейчас завалится

в наш маленький автобус и продолжит празднование там? И ехать с ними, слушать это все, толкаться... Целых сорок минут!

— Прикинь, мы с ними поедим? — спросила спутница, и я нервно усмехнулся.

«А ведь наверняка, — думал я. — Чего они, праздновать пришли на остановку? Это вряд ли... Пушка, блин. Детский сад, ну что за кличка такая: Пушка?»

Теперь я поглядывал на компанию с тревогой. Рассмотрел и «именинницу»: обычная девушка, русые волосы, простое лицо... Платье, кеды. Ничего в ней не было от Пушки, и почему Пушка? Наверное, какая-то история, которой я не узнаю.

Когда-то мне были интересны истории. В моё время...

— Автобус, — коротко сказала спутница.

— Вижу, — отмахнулся я.

Компашка оживилась: прервалась песня, что-то закричали, заобнимались... Но мне уже стало не до них: открылась передняя дверь, выходили люди. Нужно было просочиться, занять место.

Впереди мест не было. Я молнией рванул в конец салона, где уже открылась задняя дверь. Занял одно место. Выдохнул: дело сделано.

Последней зашла Пушка — с большим рюкзаком за плечами и пакетом в худых руках. Она зашла одна — ребята оставались. Только теперь я все понял.

— Приезжай в следующем году! Обязательно приезжай! Мы тебя ждем! Крым тебя любит!

— И я вас, — кричала она.

Двери захлопнулись. Моя спутница протянула руку с полотенцем, протерла мне лоб.

— Ну как, нормально? — поинтересовалась она.

— Нормально, — ответил я.

— Что вы плачете? — спросил кто-то сзади.

Мужичок в льняной рубашке поднялся со своего сиденья возле задней двери.

— Уезжаю, — всхлипывала девушка.

— Ну так вернетесь, — растерянно говорил мужичок. — Не надо плакать. Вы вот присядьте лучше, в окошко посмотрите. Мне все равно недалеко.

— Спасибо, — шептала Пушка, — знаете... Я так люблю здесь все. Я так здесь все люблю!

— Вернетесь, — твердо сказал мужичок и подмигнул ей. — Обязательно вернетесь!

Вернусь и я.

СЕЙЧАС ДОЖДЬ КОНЧИТСЯ

Послезавтра зарплату перечислят. Хотел на эти выходные поехать за город — присмотрел неплохое местечко для шашлыка: посидеть на озере, посмотреть на другой берег, купнуться, если, конечно, будет тепло. Красота! Позвать Мишку, Илюха, может, поедет... Далековато, но в городской черте делать шашлык запретили, и это, по-моему, зря: ну, в самом деле, что, он мешает кому? Мангалы город не спалит — в них ведь не огонь даже, а так... одно слово. И в самом деле, отменили бы запрет дурацкий. Приходи себе на озеро, жарь, радуйся жизни! Вот отменили бы — я б каждую субботу радовался. И воскресенье тоже. Ну а так, конечно, далеко...

А еще и без денег, без этой зарплаты! Будет вдвойне затруднительно. Нет, сбережения есть, но, если потратить их все, так изведусь ведь: а вдруг зарплата вообще не придет, чего тогда делать? Да и это на «черный день», а поездка за город — день светлый, радостный... Ничто не должно омрачать такой день. А если думать о дурацкой зарплате все выходные — что же за отдых? Илюху бесполезно спрашивать: у него семья. Задница. А Мишка вообще нигде не работает...

И еще кредит! Нет, у меня, не у Мишки. Если б у Мишки... Осталось еще два года, а плачу, такое чувство, будто с самого рождения! Скорей бы уже расплатиться, что ни делаю, как ни изворачиваюсь — а досрочно погасить не удастся! Вот скорей бы уже рассчитаться и радоваться жизни! Подумаешь, всего-то рассчитаться с кредитом! А такая гора с плеч, так легче дышать станет...

Но потом подумаешь: а после кредита что? Все то же самое. Новые траты, какие-то даже сейчас знаю, до каких-то дожить надо... За два-то года столько проблем накопится. Не разгребешь! Где я жить буду через два года? Сейчас вот — в съемной квартире. Дерут, собаки, и не стыдятся, будто телевидение не смотрят, не знают, что кризис, что уже в другой стране живем... А попробуй поспорь — выгонят. У них разговор короткий... Обзавестись бы своей квартиркой, да только кем надо быть сейчас, чем заниматься, чтоб в наше время квартиру

купить! Переехать бы в нее — и наконец начать радоваться жизни! Ну, после ремонта... Сначала ведь надо ремонт, всю отделку...

Вообще, какой там свою... Свою — это еще рано. А может, уже поздно. В моем возрасте все так... непонятно, в общем. Мечтать — понятно, не вредно. Но сейчас... сейчас бы хоть ближе к метро. В съемную, в съемную, но пусть хоть чуть-чуть поближе! Чтоб без автобусов, очередей, давки... И желательно — к какому-нибудь другому метро... чтоб жить и радоваться жизни... А то эта серая ветка! По ней станции все такие же серые, и районы вокруг этих станций серые, и жизнь в них такая же серая... Ну как тут радоваться?

Да что там метро! Ну его, это метро, к черту! Рвануть бы в солнечную Анапу с ее прекрасными центральными улицами, золотым городским пляжем, открытыми добросердечными горожанами! Чачей и креветками в маринаде, м-м-м... Прелесть! Вот потрясусь на поезде полтора денька — и тогда буду радоваться жизни! Вот уж тогда сам бог велел радоваться, в Анапе-то...

Правда, две волшебные недели пролетят, опять работа... Блевота... Надо бы поговорить о повышении, засиделся я уже... О зарплате: пусть повышают — пора бы! Сколько еще ждать, ей-богу, до пенсии? Вот повысят — другой разговор. Да так, чтобы и меня, и зарплату! Буду жить припеваючи и радоваться жизни! И действительно, чего не радоваться, если ты начальник нескольких отделов с зарплатой тысяч двести... Или сколько там они получают?.. Любой бы на моем месте радовался! Только я пока сам не на моем месте... Нечему радоваться пока.

Да хотя бы пусть этот debil Арбузов уволится! Провалится сквозь землю! Пропадом пропадет. Достал. Как ни придешь — все свои шуточки, подкольчики... Любимец женщин, блин, душа компании... У женщин уже уши вянут от него, они стонут... Слышал бы он, что говорят за глаза — когда он покурить выходит или потрепаться... И все говорит: «Я уйду, я уйду!» И никак не уходит. И не увольняют его! Вот уволили бы — и вздохну я спокойно, начну наконец радоваться!

А девушки там, на работе... Это же ужас. Нет, я не хочу сказать, что стервы, меркантильные... и

то, что все там постоянно говорят. В наше время жизнь сжимает в такие тиски, что не желать из них выбраться — кем надо быть... Но такие глупенькие, но такие скучные, и как их много! Они вообще другой работой занимаются, в другом отделе, какого черта я в одном кабинете с ними! Вот перевели бы в другой — радовался бы, ей-богу! Хотя, чего и говорить, я не всегда так думал. Я надеялся, да, именно надеялся, что коллектив, где много женщин, — это хорошо, что все в нем будет дышать любовью, цветами, весной... Радостью жизни, что ли... Я когда-то и сам мечтал о девушке... потом о женщине... Надеялся — буду радоваться с нею вместе, а что еще нужно! Потом мечтал расстаться, разойтись... И так все это было сложно, мутно. Но думал — теперь вот вздохну свободно! А сейчас?

Сейчас я думаю: ведь, чтобы радоваться жизни, в сущности, ничего не требуется. Ничего не нужно. Ведь радость в тебе самом, внутри тебя, живи себе и радуйся! Если б только не мешало что-то постоянно...

Вот бросить бы курить! Ведь пакостное глупое занятие! Воняют табаком пальцы, одежда, изо рта... А деньги, время... И общество у нас сейчас такое — не поощряет: курить не модно, на курящих косятся, рычат, ругаются. Ну, лучшее — просто презрительно смотрят. Курящему сегодня радоваться жизни — ну просто никак невозможно. И от этого еще сильнее хочется курить...

Да, а порой и напиться... Где курево — там и пьянка, слышали, знаем... Но я не алкаш вообще, нет, но часто, знаете, жду пятницы. Да, для того, чтобы выпить. Специально. Так и на этой неделе было — ну а чего мне обманывать? Вот настанет пятница, думал, буду пить. Раз уж на шашлыки не поехать, тем более... Как «В Питере пить» — клип смотрели? Там менеджер бежит из офиса за водкой: у-у, достало все! Вот и я примерно так же, хоть и не менеджер... Да и не в Питере. Был бы я в Питере — радовался бы! Такой прекрасный город...

Ну ладно, что я, в самом деле... Так вот, собрался пить, и в самую пятницу зуб разболелся, и пришлось пить совсем не то, что хотелось — таблетки от боли, чтобы дожидаться субботы и отправиться к зубному врачу. Сидел весь вечер и думал: вот что, оказывается, нужно челове-

ку, чтобы радоваться жизни, — просто вылечить зуб, и все. Вот вылечу — и буду радоваться, всю остальную субботу, думал я.

Но на финише всех мучений, в самой зубной клинике, представляете... сломал очки. И так обидно было, так горестно! Потерянных денег, которых нет, времени... которое я планировал радоваться... а пришлось плестись в оптику. Да еще и искать ее — не все ведь работают по субботам. А потом...

А потом мне сказали: вашим очкам триндец. Стал заказывать новые, но когда они будут еще — на следующей неделе только. Ну и все. Плакал футбол. Да, я ж футбол хотел посмотреть вечером. Там матч был — с кем-то «Ливерпуль» играл. Думал, выиграет «Ливерпуль» — и буду радоваться! Какое мне дело до «Ливерпуля»? Да и вообще, обеих команд? Не знаю. «Ливерпуль» давно не выигрывал. А если давно — ведь радости больше, верно? В итоге смотрел слепым. А «Ливерпуль» проиграл. Чему тут радоваться?!

Помню, как машину забирали... Я ж уже год без машины. По глупости, конечно, что рассказывать... Откупиться хотел — время дрянное сейчас, сложно. Забрали на штрафстоянку. А я в тот день уже готов был радоваться жизни — думал, вот я нарадуюсь! Нет. Пришлось ехать за машиной к черту на рога куда-то... как уж тут радоваться. Машину-то вернули... Но приговор — два года трамваев, автобусов... Общественного транспорта, короче. Как в СИЗО, годик я уже «отгарабанил». Отъездил по проезднему. А разве можно ездить на трамвае и радоваться жизни? Вот вернут мне права — и тогда...

Сыра надо купить. Не могу, не могу просто без сыра! Я люблю такой сорт сыра — Brie. Он недорогой, но очень вкусный. Так нет же его, нет уже месяц как в магазине. Закончился, и не предвидится поставок. А как, я думаю, обрадовался бы жизни, появись наконец этот сыр, мой любимый сыр! И вам рекомендую, вы поймете, что значит жизни радоваться. Ну а пока покупаю обычный, какой-то там костромской — говорю ж, тяжело мне без сыра... У всех есть маленькие слабости. Хорошо же, что они маленькие! Не дай нам бог больших.

Вот вроде все и рассказал, не знаю, что еще... Ничего не происходит. Нет событий-то! Будут

события — буду радоваться. Первым буду радоваться, говорю вам! А так... даже не красят в новый цвет заборы, клумбы: раньше экспериментировали каждый год с расцветкой, а теперь все одно — зеленый, желтый... Кризис! Кризис в головах... Район как яичница с луком, и жизнь такая же. Заборы красят, а дерьмо не убирают... Эх!

Да, раз уж к слову... Вот говорят — в дерьмо если наступишь утром, день предстоит хороший. Хороший — значит, радостный. Но я, если честно, придерживаюсь такого мнения: радоваться жизни можно и без этого. Я не хочу радикальных способов. Кто-то вообще вон прыгает куда-то, летает, чтобы выжать из жизни радость, как из лимона, ей-богу, а жизнь-то сочится радостью: просто подставь под нужным углом нож — и радость сама стечет... Вот только знать бы угол — знал бы, давно бы радовался!

Вообще же, говоря начистоту, я мог быть заметным человеком. Я даже мог получить грант. Заметным — вот что значит быть счастливым. Но грант мне не дали, нашлись ребята и поумней, и повеселее, и посовременнее. Вот дали бы мне грант — и можно было б радоваться жизни. А так — работай впустую, пей в пятницу пиво, и никто тебя не заметит. А зачем работать, если не заметят? Зачем работать, ес-

ли не дадут грант? Не дадут... радоваться этой... жизни.

Но чего говорить, что там! Вот только этой зимой! Этой зимой я еще думал по-другому. Зимой совсем прижало — снег, тоска кругом... бескрайняя. И казалось: вот только весна наступит, сирень зацветет, и я начну наконец радоваться жизни! А сейчас уже и весна прошла, и вроде бы лето в самом разгаре... И вот я сижу на автобусной остановке. Проезжают автобусы, но я не захожу в них — мне никуда не надо. Я пошел гулять и забыл зонтик. И теперь вот нашел укрытие под навесом остановки. Но солнце уже вышло, и последние капли стекают, как из выкрученной чьими-то сильными руками тряпки, на проезжую часть... Сейчас, сейчас только дождь кончится, и я смогу наконец радоваться жизни!

Уж я-то сумею!

□

Георгий ПАНКРАТОВ

родился в Санкт-Петербурге в 1984 году.

Окончил гуманитарный факультет

СПбГУТ им. М.А. Бонч-Бруевича.

Публиковался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Урал», «Москва»,

«Нева», «Север» и др. Автор двух книг прозы.

Победитель Германского международного конкурса русскоязычных

авторов «Книга года» (2018).

Лауреат конкурса «Северная звезда» (2014, 2018 гг.)

в номинации «Проза».

Проживает в Севастополе и в Москве.

